СУБЪЕКТЫ ВЛАСТИ: КТО ОНИ И КАК ИХ ВОСПРИНИМАЮТ РОССИЙСКИЕ ГРАЖДАНЕ

УДК 159.9

М.И. ЖЕСТКОВ

Современный этап социально-экономического и общественно-политического развития Российской Федерации диктует новый, основанный на партнерстве подход к взаимоотношениям власти и общества. Для построения новых отношений необходимо взаимное доверие и положительное взаимовосприятие основных субъектов.

Изучение власти посредством образов, формирующихся у граждан, и выявление ее субъектов является важной задачей политико-психологического исследования власти.

Проблема определения субъектов власти как важной части исследования политического процесса до сих пор остается актуальной темой для политической науки. По мере становления политической психологии как самостоятельной отрасли знания появился новый инструментарий, позволяющий выявить скрытые мотивы как власти того или иного субъекта, так и подчинения им.

Одними из первых, кто сформулировал основные параметры в изучении субъектов власти, были представители теории элит В. Парето, Г. Моска [6], которые рассмотрели признаки правящих кругов, очертили границы субъектности. Это является необходимым в условиях демократического режима, когда, как правило, число субъектов увеличивается за счет проникновения в политическую сферу новых неполитических акторов, а также борьбы за сферы влияния между существующими.

Политолог В.Г. Ледяев [5] обозначает проблему множественности субъектов политики, а вместе с тем их дифференциацию, где степень влиятельности определяется комплексом полномочий, характером деятельности и, отчасти, действием на объект власти. Именно существующий объект власти может определить степень влиятельности и силы того или иного индивида или института, поскольку находится в прямой или косвенной зависимости от властного процесса и самого субъекта.

С политико-психологической точки зрения восприятие власти есть формирование в сознании индивида согласованного образа политической власти. Иными словами, знакомство индивида с властью и ее деятельностью происходит посредством СМИ, затем складывается отношение, а ценностные установки и стереотипы, обусловленные опытом, рационализируют это отношение, приписываемыми качествами и оценками. Так, социолог и социальный психолог Д. Гранберг определил политическое восприятие как «процесс управления впечатлением о политическом субъекте, процесс формирования впечатления населения» [13].

Политико-психологический анализ политического процесса предоставляет возможность выявить подлинную природу и масштаб субъекта власти, проявляющийся в контроле основных управленческих рычагов, распределения ресурсов и, по мнению Ю.А. Гнединой [4], силы публично-властных структур в реализации своих интересов, что представляется важным для большинства социальных и политических институтов. Прежде всего нас интересует отражение деятельности того или иного субъекта власти в сознании рядовых граждан.

Субъект власти не только выступает в качестве ведущего политического процесса, но и определяет содержание властных отношений в целом. Известный кратолог В.Ф. Халипов [12] рассматривает субъект власти как лицо или орган, облеченный соответствующими государственными, административными полномочиями, способностью и правом распоряжаться кем-либо, чем-либо, оказывать решающее воздействие на судьбы, поведение и деятельность людей.

С политико-психологической точки зрения субъект является причиной изменения установок, ценностей и деятельности объекта, а также создаёт фон для политического взаимодействия. В настоящей статье под субъектом власти подразумеваются индивиды, группы или институты, обладающие как комплексом государственных, властных полномочий, так и ресурсами, позволяющими воздействовать на поведение, деятельность людей, а также на восприятие окружающего мира.

Вместе с тем в условиях недостаточно развитой политической системы неясным остается вопрос, кто обладает наибольшей властью. Некоторые авторы указывают на актуальность известной формулы Д. Киплинга, противопоставляющей «Восток» «Западу». При этом для «Востока» характерны персонификация властного процесса и «преобладание проекции «симфонии властей» над «разделением властей» [10].

Настоящая статья основана на исследовании образов власти, которое, начиная с 1993 года, регулярно проводится кафедрой

социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, под руководством заведующей кафедрой, д. ф. н., профессора Е. Б. Шестопал. В работе использовался целый комплекс методов: опрос, включающий как закрытые, так и открытые вопросы, такие качественные методы, как проективные тесты (рисунки власти) и глубинные интервью, которые позволяют получить необходимую информацию иррационального характера.

Основой количественной части исследования является анкета, главной целью которой является сбор информации о представлениях граждан о политической системе, режиме, лидерах и политической идентификации. Вектор исследования был направлен на определение наиболее распространенных среди рядовых граждан представлений о власти и об основных субъектах. В качестве главной задачи глубинных интервью было выявление когнитивного, поведенческого и эмоционального аспектов политического восприятия.

Использование проективного рисунка для целей политического анализа позволило выявить не только рациональные представления граждан о субъекте власти, но и неосознаваемый слой установок [8]. Респондентам предлагалось нарисовать власть в России на современном этапе такой, какой они ее видят. И хотя методика отличается от изучения методом опроса и интервью, полученные с ее помощью данные дали сходные результаты.

В исследовании 2010–2011 гг. приняли участие респонденты из Саратова, Челябинска, Москвы, Новосибирска, Владикавказа и Санкт-Петербурга. Общий объем выборки составил более 680 респондентов, что вполне достаточно для проведения качественного исследования.

Для исследования были получены региональные выборки, сбалансированные по социально-биологическим параметрам (пол, возраст, образование). В равном количестве выборку составили мужчины и женщины, также респонденты были ранжированы по переменной «образование» (неполное, среднее общее или специальное, высшее). Возраст респондентов составил от 18 до 70 и старше, примерно в следующих пропорциях: 18–30 лет (30%), 31–50 лет (40%), 51 год и старше (30%).

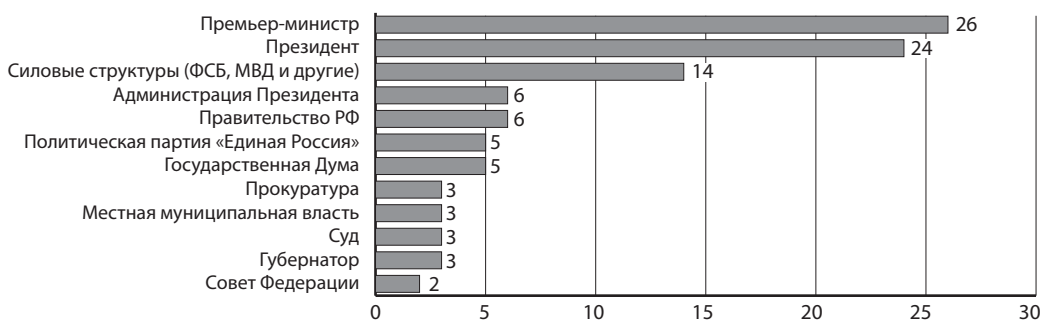
Результаты опроса обрабатывались посредством кластерного и факторного анализа с помощью пакета SPSS, в свою очередь анализ глубинных интервью и проективных тестов имел качественный характер без количественной обработки. Данные, полученные посредством рисунков власти, интерпретировались по схеме, предложенной социальными психологами Т. Фаломеевой и О. Бартеневой [11]. Таким образом, при помощи рисуночных тестов были получены скрытые характеристики не только политической власти, но и основных субъектов.

Прошлые исследования образов власти зафиксировали то, что многообразные типы акторов могут быть вытеснены из публичного политического процесса и заменены теневыми структурами, манипулирующими политическим процессом за кулисами публичной политики [8].

Для того чтобы наметить контуры субъектности, анкета содержала вопрос «*Кто, по Вашему мнению, обладает наибольшей властью в сегодняшней России?*». (См. диаграмму 1.) Особое место респонденты признают за исполнительной властью: первые лица государства оказывают наибольшее воздействие на политический процесс (президент Д. А. Медведев – 24% и премьер-министр В. В. Путин – 26%). Усилившиеся в марте 2011 года в СМИ дискуссии о расколе властного тандема по поводу событий в Ливии фактически никак не отразились на восприятии его гражданами.

Диаграмма 1

Кто, по Вашему мнению, обладает наибольшей властью в сегодняшней России?

Высокий процент отметивших, что наибольшая власть находится у силовых структур (14%), объясняется не столько их реальной политической активностью, сколько острой потребностью в безопасности со стороны граждан. Участившиеся террористические акты, выступления на Манежной площади и пр. позволяют ужесточать режим, но не приводят к существенному росту уровня безопасности граждан [3]. Власть силовых структур выступает как дополнение высшей власти и залог политической стабильности.

Крайне слабыми субъектами предстают институты законодательной власти: Государственная Дума (5%), Совет Федерации (2%). Формально Государственная Дума является представительным органом, но доверие к ней снижается, как и сила отечественного парламентаризма. Что касается Совета Федерации, то удельный вес тех, кто оценивает его с точки зрения влияния, снижается.

На одном уровне восприятия силы находятся представители региональной власти, суд и прокуратура (все — по 3%). Региональная власть воспринимается как заместитель федеральной, это свидетельствует о ее слабости по сравнению с высшим руководством, которое управляет целым государством.

Устойчивую позицию респонденты занимают в отношении политических партий. В целом их роль оценивается крайне низко; это связано, с одной стороны, со слабостью самой партийной системы, а, с другой стороны, — с доминирующим положением партии «Единая Россия», силу которой оценили 5% респондентов.

Представленная картина основана на ранжировании субъектов политического процесса, однако в ответах 76% респондентов на вопрос «*Как бы Вы могли охарактеризовать власть в сегодняшней России?*» субъектность проявляется крайне мало, если говорить о динамике этого процесса, то показатель субъектности растет вместе с данными, касающимися политического влияния тандема. В настоящее время власть ассоциируется с личностями и лидерами (12%), в меньшей степени с партиями и группами (2,7%). Большинство респондентов склонны характеризовать власть абстрактно, не привязывая к определенным субъектам (84%) («*зажимающая народ*», «*некомпетентность чиновников, но появляется некоторая стабильность*»). По сравнению с периодом начала — середины 2000-х [6], когда в качестве субъектов респонденты зачастую представляли безличные политические институты, такие как партии, советы и т. д., субъектность власти возросла. Иными словами, власть все больше связывается с конкретными субъектами политики, чем с абстрактными понятиями.

Большинство рисунков власти также выявляют абстрактность образа власти и стереотипность восприятия. Более 60% рисунков не имеют четко представленного субъекта, что указывает на размытость представлений о власти, ее теневой характер. Абстрактность представлений объяснима большой дистанцией от населения, воспринимающего власть как совокупность людей, ресурсов, денег и т. д., не имеющую лица, пола и пр. Присутствие «теневых» субъектов на бессознательном уровне показывает, что рядовые граждане склонны видеть в действиях власти детерминированность не просто внешними условиями, а именно конкретными фигурами, которых, как правило, респонденты назвать не решаются. Влияние теневых структур является следствием непопулярных решений руководства государства, которое в целом оценивается положительно.

На бессознательном уровне наблюдается конгруэнтность образов президента Д. А. Медведева и премьер-министра В. В. Путина, часто респонденты не разделяют тандем «Путин–Медведев», по отдельности лидеры представлены крайне редко. Таким образом, тандем первых лиц государства утвердился в сознании россиян как основной субъект власти.

Данные проективного теста подтверждают, что власть силовых структур есть инструмент легитимности и стабильности, за ними закреплена значительная роль в политическом процессе современной России, в том числе это связано с тем, что силовые структуры воспринимаются как инструмент давления, а не защиты [2].

Бессознательный уровень восприятия институтов законодательной власти дополняет рациональные оценки. В проективных тестах слабо представлен Совет Федерации, в отличие от устойчивого восприятия Государственной Думы как полноправного субъекта политического процесса. На основе согласованности рациональных и бессознательных оценок можно сделать вывод о том, что Совет Федерации как субъект политической власти находится на периферии восприятия власти. Таким образом, низкий уровень правового сознания в России выражается в соответствующей оценке институтов законодательной власти, которые рассматриваются во многом как символы власти.

Среди субъектов власти, представленных в проективных рисунках, прочные позиции занимает политическая партия «Единая Россия», иные партии на уровне неосознанных установок не представлены.

Впервые за все время проведения исследований политического восприятия появилось упоминание об экономических структурах и корпорациях, в числе которых ОАО «Газпром» отмечается несколько раз. Респонденты довольно тонко анализируют взаимодействие политики с экономическими структурами, ее зависимости от них.

Наличие субъекта в содержании представлений о власти структурирует ее пространство. Властью респонденты наделяют *политических деятелей и институты.* Работоспособность элементов власти подкрепляется использованием природных ресурсов (нефть, газ и т.д.); вместе с тем в понимании россиян экономические структуры подчинены органам власти, а будучи субъектами, они неизбежно требовали бы выгоды. На это указывает малый процент упоминаний корпораций и определение их как подчиненных органам государственной власти.

Функцией *силовых структур* респонденты считают защиту власти от граждан, хотя в ряде случаев функциональность рассматривается как инструмент достижения стабильности. На бессознательном уровне силовые и правоохранительные органы представлены в негативном ключе, как направленное против людей «оружие» политической власти.

Особым типом субъекта является *теневая власть*; если в 90-е гг. политические психологи могли предположить ряд вариаций такой формы власти, то сейчас сделать это довольно трудно. Это связано с тем, что семантически слово «олигарх» уже не несет прежнего негативного оттенка, хотя в памяти старших поколений этот смысловой оттенок присутствует. Молодые респонденты не определяют крупных бизнесменов как тех, кто в постсоветское время «награбил» и «наворовал»; представители бизнеса в их понимании также отстранены от власти, притом, что они порой включаются в нее, но не столько как субъект, сколько как жертва политических и властных претензий современной политической элиты. Таким образом, субъекты экономической деятельности слабо представлены на бессознательном уровне политического восприятия граждан как активные участники политического процесса.

Говоря о наличии или отсутствии субъекта, нужно упомянуть о превалирующем положении *абстрактного содержания* образов власти и стереотипного восприятия на бессознательном уровне. Однако при преобладании неопределенности в восприятии основных акторов, примерно в 40% рисунков субъектность была явной.

Рискнем предположить, что большая часть респондентов ассоциирует власть с *первыми лицами государства* в первую очередь, затем с теневыми, силовыми, правоохранительными структурами. Этот вывод подтверждается анализом рационального слоя восприятия. По мнению респондентов, первые лица государства, президент и премьер-министр, обладают наибольшей властью, оцениваются как наиболее сильные фигуры политической жизни. Речь идет о том, что персонификация как черта политической культуры России не уменьшается, а, наоборот, укрепляется и за счет «тандема» лидеров страны, балансирующего на грани между привычной персонификацией и ее институционализацией [1].

1. Винокуров М. Тандем власти лучше двоевластия [Электронный ресурс] / М. Винокуров // URL: http://www.argumenti.ru/politics/n282/99793 (дата обращения: 29.09.2011).
2. Восприятие сотрудников милиции в обществе искажено – ГУСБ МВД [Электронный ресурс] // URL: http://www.ria.ru/society/20110627/393779863.html (дата обращения: 13.11.2011).
3. ВЦИОМ: Угроза терроризма в России и как ее победить [Электронный ресурс] // URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111350 (дата обращения: 29.09.2011).
4. Гнидина Ю.А. Субъектность политической власти как условие развития социальных организаций [Текст] / Ю.А. Гнидина // Философия и психология власти: структура, личность, интерконтекстуальность: сб. науч. тр. / Пугачева Л., Соловьева Т., Кащеев С. и др. Саратов, 2003. С. 80–104.
5. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. [Текст] / В.Г. Ледяев. М., 2001. 384 с.
6. Моска Г. Правящий класс. Церкви, партии, секты / пер. с англ. и примеч. Т.Н. Самсоновой // Социс. 1994. № 10. С. 187–198.; Парето В. Компендиум по общей социологии [Текст] / В. Парето. М., 2008. 511 с.
7. Образы власти в постсоветской России [Текст] / Под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Алетейя, 2004. 536 с.
8. Образы российской власти: от Ельцина до Путина [Текст] / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: РОССПЭН, 2009. 416 с.
9. Психология восприятия власти / Под ред. Е.Б. Шестопал. М. : Социально-политическая мысль, 2002. 244 с.
10. Романович Н.А. Концепция «разделения властей» через призму концепции «симфонии властей» [Текст] / Н.А. Романович / Политическая теория, язык и идеология / ред. кол.: Н.А. Романович (отв. ред.) и др. М. : РАПН, 2008. С. 365–388.
11. Фоломеева Т.В., Бартенева О.М. Опыт применения проективной методики «психологический рисунок» в исследовании восприятия социальных объектов // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2000. №2. С. 27–39.
12. Халипов В.Ф., Халипова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба. Словарь. М. : Луч, 1996. С. 25.
13. Granberg D. An Anomaly In Political Perception // Public Opinion Quarterly. 1985. 49(4). P. 504–516.